

И. Смирнов

/ 1971 – 2003 /

Игорь Смирнов ушёл из жизни молодым. А если бы...А если бы? Много ли бы он оставил после себя сборников ? Когда он ушёл, у него не было ни одного. История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Не стоит гадать теперь, что было бы, но то, что Игорь, несомненно, был очень талантлив, - это факт очевидный.

Игорь искал смысла в этой жизни. Он не хотел жить, не поняв, для чего он рождён. Он до всего хотел дойти собственным разумом, но у него не было почти жизненного опыта, а это опасно для молодого человека.

Случайностей в этой жизни не бывает. Всё в ней закономерно:

« Всё перепуталось в глазах,
Всё вопияло, всё взывало...
Где ад, где рай, где дух, где прах –
Моя душа не понимала».

Он многого ещё не успел понять.....

Елена Балашова Член Союза писателей РФ

Я смотрю на Игоря, живого, интересного человека, для которого цитировать «Критику чистого разума» Канта всё равно, что читать «Отче наш», и всё больше поражаюсь его познаниям, памяти, склонности к анализу, неординарности мышления. Трудно ему найти себе подобных среди сверстников, трудно найти людей, способных понять его, трудно жить в этом суетном мире, не подчиняясь его требованиям.

Нам бы плакать не нужно,
Нам бы жить и любить,
Безутешною, вьюжной
Ночью водочку пить...
...Нам бы жить ненатурально
и любить не скорбя,
Нам бы плакать не нужно,
Обвиняя себя...

Он имеет очень неясные представления о сегодняшних дискотеках и молодёжной моде, он довольствуется тем, чем накормит его бабушка, совершенно равнодушен к деньгам и собственному облику, сомневаюсь, что вообще смотрит в зеркало. Он из тех, о ком говорят: «не от мира сего» или «белая ворона». По чухломским меркам он настоящий феномен – этот нескладный сутулый паренёк, цепляющийся за редкие солнечные зайчики в тусклом мире, и без малейшего кокетства не признающий своих достоинств, несправедливо роняющий в беседе: «я – никто», «ничего не знаю», «я – никакой». Редкое сочетание отрешённости от всего мира и независимости, слабоволия и непоколебимости в умозаключениях.

Я лично после встречи с ним в чём-то прозрела, а главное – поняла, что человеку можно помочь и просто словом, участием, искренним к нему интересом. Надеюсь, что Игорь Смирнов очень скоро постучит и в другие души, подарив нам мудрые стихи.

В. Клевич

ВРЕМЯ

Бегут года –
 хвастливые юнцы.
Декады лет шагают,
 как злодеи.
Бредут века –
 седые старики,
И тихой сапою
 ползут тысячелетья.
А Вечность
 свысока глядит
 на мира ход.
А в Вечности
 разлита немота.
Лишь изредка, не чаще
 раза в год,
Она смеётся тихо:
 « Всё – тщета».

1989 г.

От половинчатых
 страданий,
От рифм: « народ и эшафот»
Я ухожу
 в предел мечтаний.
Сеньоры,
 плох ли мой уход?
Когда надоедает видеть
Бессилье в злобе
 тёплых вод,
Уйти трудней,
 чем ненавидеть...

Сеньоры,
 плох ли мой уход?
Наверно, плох.
 Поплюйте влево.
Желайте зрелищ и вина,
А мне смените
 документы,
Пусть с поражением
 в правах.
Лечу я к свету,
 к свету,
 к свету... -
К несотворённому костру,
Когда же снег
 задушит лето,
Я к вам с теплом
 своим приду.

1989 г.

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ
(сонет – акростих)

Вечно будущее,
 прошлого же нет, -
Аккуратно время
 бог закрыл
Ледяным творением
 могил...
Есть лишь я и есть
 лишь мой совет.
Руки стянуты
 на перехвате крыл
Иль со мною
 в ЭТОТ МИГ
 твой свет?

Источенная подозреньем,
Спадает чешуя любви.
Я проклял чудное мгновенье...
А тело продолжает жить.

В песке домов жрёт Ангел серый
И свет, и тьму, и неба нить...
Последней умирает вера.
А тело продолжает жить.

1996 г.

ПЕСЕНКА ПРО ДУШУ.

Каждому пылинку
Небушко вручило.
От природы скрыта
Человечья сила:
Малая крупинка
Божьего огня,
Малая соринка
В шестерёнках дня.
Распахни ладошку –
Весело блестит
В серых складках кожи
Искорка души:
Малая крупинка
Божьего огня,
Малая соринка
В шестерёнках дня.
В час истлеет тело
Станет прах землёй.
На могиле тернии
Вырастут стеной.
А вверху, качаясь,
Будет не спеша
Плавать неба завязь,
Душенька – душа.

Малая крупинка
Божьего огня.
Малая соринка
В шестерёнках дня.

1996 г.

Быт поэта: круглый стол,
Одеяло на плечах,
Ворох книг, тревожный сон,
Нездоровая моча.
Неотвязных мыслей рой,
Неспокойных чувств моменты,
Обхождение с Красотой,
Как с рабочим инструментом.
Чересполосица теней,
Роты призраков лихих,
Божья правда в вышине,
И стихи, стихи, стихи.

1996 г.

Дали раскрылись под вечер.
Долгие тени густы.
Всякую бесчеловечность
Примешь, не думая, ты.
Примешь и будешь спокоен,
Словно дитя во хмелю.
Ночь разорвёт быстротечно
Нудную сумрака прю.
Звёзд не дождёшься, послушай.
Приторно пахнет дождём.
Туч набежавших удушье
Тело нальёт серебром.
А изгоревшую душу
Выбросит в металлолом.

1996 г.

РОМАНС.

Ах, какие бывают минуты
Первых встреч и последних напутствий,
Когда всё исчезает как будто,
Когда всё наполняется чувством.
Каждый бог получает блаженство,
Каждый путник - приют от ненастья.
В мире нет больше несовершенства, -
Всё ущербное полнится счастьем.
Что таилось до срока под спудом,
То явилось на свет половодьем.
Ах, какие бывают минуты!
Как они безвозвратно уходят.

1996 г.

ЗИМА

В эту ненависть
Горочка соли
Между стёкол осталась сухой.
В книгах долгих осенних историй
Не проведалься след дождевой.
В эту горечь
Спокойно – стальные
Оглашенных морозов лучи
Выжигали на сердце немые
Приказанья: «Замри, замолчи».
В эту вечность запуталось время
Меж сугробов, надутых с утра.
И угарное тяжкое бремя
Приносил огонёк на дровах.
Лишь один нескончаемый вечер,
Встреч забытых минутные сны
В эту ненависть,
Горькую вечность,
За которой не будет весны.

1996 г.

Перестрадали, поднялись.
Попёрли в будущее стадом.
И улыбались, и клялись,
И говорили о наградах.
И каждый помнил о своём,
Тетешкая грудную жабу...
А под дождём летел с крестом
Христос районного масштаба.

1996 г.

Как в колкости озона
Трагичен синий свет!
Среди весны стозвонной
Весне резонов нет.
Спалить дотла осину,
Что над рекой растёт?
Намокла древесина,
Лишь смрадный пар идёт.
Убить в полёте птицу,
Что всем с земли видна?
Но птица не боится,
Безмозглая она.
Затмить собою солнце,
Хоть на короткий миг?
Но солнце не пробьётся
Никак сквозь туч ряды.
И в колкости озона
Трагичен синий свет!
Как не верти, резонов
Грозе весной нет.

1996 г.

Последние деньги прожиты.
Давно опустела кошелек.
В гортани невымытое жито
Застряло. Какого рожна?
Последние силы уходят
На то, чтобы спину чесать.
Устроил бы счастье народам,
Да лень мне с кровати вставать.
Последние песни допеты
В дурную погоду навзрыд.
В душе, захлебнувшейся светом,
Осеннее небо болит.

1996 г

Непоправимая моя!
Уходит поезд от вокзала.
Стальная скручена петля.
Начнёшь с конца – придёшь к началу.
И снег, и век, и ветерок.
И самый хитрый спит, не каюсь.
И тот, кто вечером убёг,-
Вернётся утром, улыбаясь.
Непоправимая моя!
Быть может, в этом – то и прелесть,
Что отсыревшие дрова
На холодных углях загорелись.

1996 г.

Стружки тьмы, мимолётные тени
В самый солнечный полдень видны
На кирпичных обветренных стенах,
На потёртом меху мостовых.
Замираешь, смеешься, не веришь,

Гимны свету поёшь впопыхах...
Но плодятся холодные тени,
Равнодушно мелькая в глазах.
И когда – нибудь в солнечный полдень
Скроет город кипящая мгла,
И подыметса ветер безмолвный.
Тот, что света не знал никогда.

1996 г.

Храм мой, кряжистый, от века
Опалён внутри свечами.
Все молитвы человека
Родниковыми ключами
Из сердечного простора
В узкий мир камней выходят,
Отражаются от сводов,
Утоленья не находят.
Возглашается ектенья,
И иконостас трепещет
От незримого давленья
Тайной боли человечьей.
Эта боль сомнёт и Бога.
С первым комом немоты
На проезжую дорогу
Рухнут жёлтые кресты.

1996 г.

Своего не отдали, не выдали.
Никого не пригрели, не предали.
Словно рябь на текущей воде.
Изъяснялись гримасами, знаками;
Не смеялись, не пели, не плакали.
И не видели правды нигде.

Утром – холод и ветер на звоннице,
Днём – усталость, а ночью –
бессонница.

Новый день не сулил ничего.
Затаились, да видно не спрятались.
Всех отыщут, достанется всякому
Божья боль и тоски торжество.

1996 г.

О, безъязыкая грусть
Чёрной воды под ногой!
Льдинки плывут... Ну и пусть.
Завтра наступит покой.
Воду прогреет до дна
Солнечный призрачный луч.
Тина мгновенного сна
Позеленит образ туч.
Грозами тину взмутив
Станет пространство рекой...
О, безъязыкий мотив,
Чёрной капли веков!

1996 г.

Ласточка – касатка сизокрылая,
Стало жутким небушко постылое.
Полетим – ка вниз, в болото тёмное.
Полетим, зачем нам горевать?
Отрастим себе чешуйки скользкие,
Тиною гнилою удовольствуемся.
Будим жить с пиявками. С лягушками
Гимны и молитвы распевать.
Ласточка – касатка сизокрылая,
Небушко со всех сторон сдавило нас.
Если в нём ещё на миг останется, -
По ветру развеемся, как дым.

Превратимся в солнечные лучики,
Превратимся в атомы летучие,
Превратимся в песню соловьиною...
Лучше на болото полетим.

1996 г.

Вырастут деревья в парке
Вплоть до неба самого.
Упадёт в подол кухарки
Мясо сердца моего.
Я пойду с бутылкой водки
Вдоль по улице смеясь,
Оттого, что плесень в парке
На деревьях завелась.

1996 г.

Пьяный Саврасов бредёт по апрелю.
Март отошел. И вестимо, вестимо
К белой церковке грачи прилетели...
Опохмелиться необходимо.

Хмель многодневный трясёт и сшибает.
Выпил водички, мутит ещё хуже.
Пьяный Саврасов копейки считает...
Солнечны зайчики скачут по лужам.

«Эй, подходи, вот картина красивая!
За трёхрублёвку отдам!»
Храм застилается тучей крикливою,
Вольно сегодня грачам.

1996 г.

Отчаянья слов не знаю,
Всё сладко, всё

трын- трава,

Любая любовь – святая,

Любая душа – жива.

В томительном разговоре

Отныне не ведаю зла.

Любая беда – не горе,

Любая печаль – светла.

Все помыслы переспорил,

По полочкам разложил.

Но поздно: горячей

кровью

Жизнь вытекает из жил.

1996 г.

Не верь, что радость

некий смысл имеет –

Осмысленно отчаянье

одно.

В каморке душной

свежий ветер веет

Сквозь выбитое

пыльное окно.

И солнце луч

уничтожает тени,

И дождь смывает

с пола грязь и прах...

Он улыбается –

не человек, не гений,

Но свет свободный

в гипсе и бинтах

1996 г.

Поэт ли ты искусный
 Иль пахарь «от сохи»,-
 Нельзя писать по- русски
 Весёлые стихи.
 Как щен, блуждает лира,
 Ища, где смех звенит...
 Есть только злоба мира,
 Озлобленные дни.
 Под маской лжи безвкусной
 Ожившие грехи...
 Нельзя писать по- русски
 Весёлые стихи.

1996 г.

ВЕЛИКАЯ ВОЛЬНИЦА

*« Здесь обрывается Россия
 Над морем чёрным и глухим».*
 О. Мандельштам

Есть Украина, есть Россия...
 Великой вольницы пора!
 А кровь отцов, а клятвы сила!
 Так -то вчера, вчера, вчера!
 Раздавлен непосильной склокой
 Ржавеет Черноморский флот...
 Белеет парус одинокий –
 Великой вольницы оплот.
 Закрыты чёрные страницы
 Имперской похоти Кремля!
 Ликует Рим, Нью – Йорк глумится...
 И плачет Русская земля.
 Злодеи или лицедеи
 Народ предали! Всё равно.
 Лишь фишки сыплются, пестрея,
 В новооткрытых казино.

1996 г.

ПОГИБШИМ В ЧЕЧНЕ

Время войны. От винта, негодяи! Отныне
Мир – как пустыня. Пустыня – как вечная жизнь.
Лепет бессвязный и взгляд неприкаянно – синий...
«Жизнь – только миг. За него и держись». Удержись!
Поздно. Мерзавцы, запутавшись в гимнах прощанья,
Перебирают дешевые мысли свои.
Лгут, не краснея; бледнея, дают обещанья...
Вольно, кликуши! Закрыты чертоги любви.
Вихрем бесплотным сжимается воздух. На тробы
Пусть поспешают попы, позабывши про стыд...
Воины света! Молитесь за мирное небо
Над подлецами, возведшими вас на кресты.

1996 г.

Исчезнет правда вместе с красотой...
Когда земля окажется пуста,
Обман юродства прихотью святою
Небесная восполнит красота.

Ругайте Ангелов, что Демонами стали,
И смейтесь над безумцами труда,
Которые на идолов восстали
И новой правдой смыты навсегда.

Они погибли. Небылице в лицах
Отныне недоступна Благодать.
Здесь плоть от плоти будет веселиться,
И дух от духа будет умирать.

Здесь вечный свет и невечерний век,
И тьме почти не нужен человек.

1996 г.

*...Тех дней единственных, когда
Нам кажется, что время стало.*

Б. Пастернак.

Остановись, виденье, ты ужасно!
Мой взгляд угрюм. Мой лик
Свиреп и дик.
Сегодня 30 витязей прекрасных
Навек забудут слово «призывник».
В строю, душа, какие разговоры?
В струю бы, в тему бы сейчас привал.
И лучше гор бывают только горы,
Где ты с АКДСом не шагал:
Олимп, быть может, и Парнас, быть может,
Быть может, даже Лысая гора...
Сегодня 30 душ неосторожных
Согреются от боли у костра.
Среди долины ровныя Валгаллы...
И снова бой, увечный жуткий бой!
И снова мяса вдоволь у шакалов,
И дольше века длится день любой.

1997 г.

Нелюбимая, отколе
Сколько ты берешь тепла?
Сердце стиснуто до боли.
Трезвый сумрак. Ночь
прошла.
Пять часов стучит
по крышам
Благочинный мелкий дождь.
Поступает день неслышно...
Что ты говоришь неслышно?
Ничего ж не разберёшь.

Есть такие звёзды в небе,
Что не греют и не жгут.
Есть такие споры в хлебе,
Что забвение дают;
Есть невидимые люди
И глазастые духи;
Существует грех Иудин
И любовные стихи,-
Много разностей, в которых
Нет меня и нет тебя;
Много радостей в которых,
Жизнь проклятую губя,
Вождееем только ада...
Благочинный дождь стучит...
Нелюбимая, не надо.
 Полно, милая, молчи.

1997 г.

Ты ждал победы и веселья
За каменным затвором
 стен...
Какое горькое похмелье
Пришло усталости взамен!
Построен мир, весомо
 зданье,
Нет недостигнутых высот...
Вот тут – то разочарованье
Тебя отыщет и убьёт!
Гляди, в бетоне белых
 линий
Нет отклоненья от мечты,
Гляди, как строго
 молчаливы
Каноны данной красоты;
Желать хоть трещинки,

Хоть ржавчинки
Хоть вздора,
В победных днях, -
Всё совершенно, всё
бесспорно,
Всё верно даже в мелочах.
Пропьёшь талант,
проспоришь деньги,
Врагами сделаешь друзей –
Нет приложенья
постиженью
Ни в небесах, ни на земле.

1997 г.

О. К.

Прости, неверная заря,
Бездушных помыслов
предтеча!
За ненавистью октября
Тебя спокойным сердцем
встречу.
Пусть я на вид имею вид
Небритый и немного
странный,
И к непогоде вновь болит
Зарубцевавшаяся рана.
Я более не трепещу.
Я свыкся со своим
несчастьем.
И разожжённую свечу
Ты не потушишь так же
властно

И так легко, как ты могла
Одним движением

когда – то...

Твой рыцарь круглого стола
Избрал овалы и квадраты.
Служенье не пропало б зря,
Оно б открыло двери рая...
Прости, холодная заря,
Я сумерек не понимаю.

1997 г.

А мы стяжаем благодать,
А не стяжаем – уворуем.
Нас захотят арестовать,
Но, можем быть,
не арестуют.

Мы – соль земли. Мы –
корабли,
Которые в густом тумане
Поют наличие земли...
Пусть уличают нас

в обмане!

Не веря, что кругом вода,
Мы звякнем склянкой
и закусим.

В конце концов,
не ложь – беда,

А пакибытие у грусти.
Мы с мясом вырвем
благодать

У быстрых разумов
Невтонов

И храбро по морю шагать
Начнём. И, видимо,

потонем.

1997 г.

Это вьюга поёт: верьте или не верьте, -
Когда хитрая ночь и душа визави, -
По Смирнову и Фрейду одни жаждут смерти,
А другие взыскуют бессмертной любви.
Это сны черепиц, это сурик на трубах,
Это инь или ян, или что – то, лежащее вне;
Это Ангел, слетающий на неподвижные губы
И поющий о новом, столетьями проклятом дне.
Это вьюга поёт: подойди и забудь свою веру;
Отрекись, отвернись. Всё измерено прежде, давно.
Самый светлый рассвет не погасит горящую серу,
И никто никогда никому не покажет кино.
Понимаете, братцы: оборвана плёнка,
Брак фабричный в проекторе, в сердце изъян,
Кинотеатр построен слезами ребёнка;
И кина вам не будет, и кинщик озлоблен и пьян.

1997 г.

Белым снегом, синим дымом
Через рощу, через лес
Мы идём необходимо
В закрома пустых небес.
Мы проходим мимо, мимо.
Застилает слабый след
Белым снегом, синим дымом
То, чего на свете нет.
Нет суда на нет ответа.
Нет любви на нет весны.
И мерзавцы, и поэты
На рассвет обречены.
Вверх и вниз песком

пустыни

Сыплемся и молча ждём
Дня, когда густые ливни

Напитают чернозём.
Племя новое, младое
Вырастет за полчаса...
Может быть, тогда в покое
Нас оставят небеса.

1997 г.

Белым снегом, синим дымом,
Сном закатного труда
Мы идём необходимо
Ниоткуда в никуда.
Мы проходим мимо, мимо.
Застылаем слабый след
Белым снегом, синим дымом
То, чего на свете нет.
Нет стыда на нет ответа.
Нет любви на нет весны.
И мерзавцы, и поэты
На рассвет обречены.
Солнце выглянет в окошко.
Для последнего Суда
Пеплом выстлана дорожка
Ниоткуда в никуда.

1998 г.

Три Ангела летели
над пустыней.
Три Ангела глазами
пустыми
Глядели на песок, песок,
песок...
Три Ангела, три вестника

печальных,
Слепой Судьбы три
вестника печальных
Провозвещали вдруг
пришедший срок.
Три Ангела не звали
к покаянью
И слёз не источали
покаянных.
Во мгле, во мгле, во мгле
была земля...
Источники небесного
сиянья
Завалены костями,
не сияли.
Среди костей охотилась
змея.
Три Ангела, три силы
посторонних
Не вопрошали, кто добра
сторонник.
Не отделяли козлиц
от овец...
Ни праведных, ни грешных
не искали
Три Ангела, три вестника
печали.
Летая в темноте людских
сердец.

1997 г.

ПРАЗДНИК

Куплю вина и пресс – папье.
Запрусь в сарае ночью
вьюжной;
Вообразу, что я – крупье

В игре бесплатной
и ненужной.
Завою волком как – нибудь.
Потом, резвяся и играя,
Вино допив, открою путь
К далёким звёздам
из сарая.

И грабли мне помашут
вслед
Косыми зубьями... Сегодня
Я улетаю. Всем привет
из неба сказки новогодней.

1997 г.

Старый Углич, что тебе
Вселенной
Издrevле присуций
криминал?
Будто спит царевич
убиенный...
Глупый отрок –
с ножичком играл.
Бедный отрок...
Разлетелись птицы.
Мёртвым звоном стиснута
заря.
Тихие убийцы –неубийцы,
Ничего не ведая, творят
Зло, молитву, клятву,
покаянье...
А Димитрий вдалеке от них
Окуженный золотым
сияньем
На дороге странников
ночных
Плачет. Он провидит

судьбы мира,
боли. А над Угличем-
гроза.
Светы молний в глубине
Надира
Зажигают бледные глаза.

1997 г.

Г.Л.Р.

Унежьте слово, я не Тютчев.
К чему смягчать сердца
людей?
Мадам, Вы неблагополучны
В тревожной юности своей.
Эпистолярное наследство
Оставьте фирмам
и глупцам.
Не цель оправдывает
средства,
Но боль и вера до конца.
Героям с вещими глазами
Не посвящайте жизнь
свою,-
Они и душу разбазарят,
И тело, походя, убьют.
Не стоит обличать!
Пустое!
Затем, что были Вы нежны
Не только с гибнущим
героем,-
Вы мне по - прежнему
нужны.

1997 г.

ПРЕЛЕСТЬ

Возгласил диакон у дверей:
«Богу-Богово, а миру – что придётся!»
Обернулся, оглядел зверей,
В ком ничья печаль не отзовется...
И ворвался с хохотом в алтарь,
Оттолкнув ногой протоиерея,

На престол скакнул и засвистал
Соловьём бесовского поверья.
Задрожали, ощутив испуг,
Схимники с зажжёнными свечами,
И схватил в порыве гнева вдруг
Пономарь тяжёлый крест с мощами...
И пустил безумцу промеж глаз!
И упал безумец, брызжа пеной...
Оттащили. Началось тотчас
Прерванное прелестию пенье.
Покрова священник поменял,
Отхлебнул глоток кагора добрый...
И неповреждённо воссиял
Свет Христов над неисходной злобой.

1997 г.

Из капусты сделали фальшивого зайца,
Очень искусно сделали.
Пошел фальшивый заяц в лес,
Убежал от волка, лисы, совы и т.п.
Нашёл фальшивый заяц зайчиху.
Они нарожали деток,
Белых и зелёных.
Однажды фальшивого зайца
подстрелил охотник,
Принёс домой и дивился:
Что за чудо? Семь одежек

Всю непристойность любой негуманной заразы.
Если кого –нибудь вешаем, душим, стреляем,
То потому лишь, что были такие приказы.
Ваше сиятельство, мы из – под фебовой власти
Вышли и очень довольны собой и свободой.
Что же касается так называемой страсти –
Связи вне браков всегда порождают уродов.
Ложка и плошка, на печке усатая кошка,
Гробик на дрожках за каждым уютным окошком,
Неба немножко и чёрная тушь вместо линий
На беззащитно раскрытой ладошке...
Вот такова наша жизнь, дорогая графиня.

1997 г.

МАЛЕНЬКАЯ

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Под локоть Сведенборга взяв,
Я прогулял весь сон мирами,
Где вид и запах должных язв
Скрывался Божьими дарами;
Где Ангел чёрный, побелев,
Хватал раздутое кадило.
Где Ангел белый, почернев,
Плевался в небо, что есть силы.
Под локоть Сведенборга взяв,
Я залезал в такие прорвы,
Куда попасть почти нельзя
До страшного восстанья мёртвых;
И уподобившись козлу,
Я залезал в такие горы,
Куда воскресших не везут
До вынесенья приговора.
Под локоть Сведенборга взяв,
Я плавал в серном фимиаме,
Имея вид не то язя,
Не то жильца помойной ямы.

Всё перепуталось в глазах,
Всё вопияло, всё взывало...
Где ад, где рай, где дух, где прах –
Моя душа не понимала.
Вдруг, отделившись от толпы,
Старик Державин нас заметил.

И налетел как будто ветер,
И исказил его черты:
« Ты, пададь! Потерявши страх,
Как ты дерзнул писать о смерти?!
Ты, графоман!...»
... И уж поверьте,
Что я проснулся в синяках.

1997 г.

ЧЕТВЁРТЫЙ

ЧЕРНОСОТЕННЫЙ ВЕРЛИБР

Безземельны, безлошадны,
если благородны, то дети уроды,
если благозвучны, то глохнут от старости,
если благоверны, то чикатилы.
Иногда выглядывает солнышко,
И вспоминается:
Понюхал старик Ромуальдыч портянку, -
или другое классическое:
«Из – за острова на стержень...»
Был граф Дракула, поборник православия,
туркоубийца,
но румын, имеющий местожительством
Трансильванию или Трансвааль...
Всяк, впадающий в транс по Сильве
или по Ваалу,
станет страшен в глазах потомков.

Потом открылись в клетку двери,
А в клетке тёмное число;
Потом оглохшего тетерю
Из рая ветром унесло

Сегодня чистый Понедельник:
Осталась белою строка;
Летит Луна сквозь частый ельник;
Бежит меж линий параллельных
Тень ненажатого курка.

1998 г.

Пани, пани, кто Вам объяснил,
Что от нашей встречи нужно счастья
Ждать по мере Ваших юных сил?...
Пани, так ведь можно не дожидаться!
Не танцуйте, пани, краковяк –
Это танец злой и похотливый,
Он уносит веру, как вода
Сносит тину к жёлтым прутьям ивы.

Выскользнув из – под моей руки,
Убегите по другой дороге...
Ваш удел – цветам любовь дарить,
Мой удел – гневить живого Бога.

Сто метелей в сумерках пройдут
Для меня, застывшего в ненастьях...
Пани, пани, я не украду
Вашего заоблачного счастья!

1998 г.

Недолговечен сон.
Вполне придуман ад.
Внутри души – огонь.
Извне души – распад.

Впитается в песок
Телесное ничто.
Последний вздох высок
И только – то...

1998 г.

Дело было в Пенькове
Или в другой стране.
Меня поймали на слове,
Жизнь доверили мне.

Дело было в Горитове
Или в другой стране.
Тенью и глупой битвою
Душу вынули мне.
Дело было где – то ещё
Или совсем не так.
Первою кровью причащен,
Веру отдал скотам.

Так и живу, не потребен.
Скоро, кажется мне,
Дело будет на небе
Или в другой стране.

1998 г.

Когда кричим
Взаправду
Отчего – то почти хихикаем
Эта цивилизация
Эта преемственность веков
Эти всходы культуры
Эта нравственность через
Эта эта эта эта
Просто
Истерика
Просто

1998 г.

БОГОЯВЛЕНИЕ

Когда бежал людской ручей
Тот, кто любил законы слушать,
Не стало солнце горячей.

С дерев обугленные груши,
Подобно тысяче грачей,
Не падали на тайный ужин.

Среди толпы и мы с тобой,
И некто в сером без причуд,
И некто в чёрном – хвост трубой
Вели междоусобный труд,
Как – будто монотонный бой.
Быть может, как измену шьют?

К воде спешил людской прибой.
И недостойный развязать
Топил счастливец с головой,
Преобразовывал печать.

Так, до и после на краю
Сошлись в едином дежавю:
Прообраз Смерти. Смерть, печать,
Печать Огня.

Тот, кто Печаль,
Бежал в пустыню, что есть силы.
И Солнце волосы сушило.

1998 г.

ЭПИЗОД

К. Тарантино

Звонок телефона. Лежит старуха.
Немая сцена. Герой убегает.
Один из нескольких силой духа,
Он душегуба подозревает.

А душегуб между тем ликует:
Спрятался, знает – полиция мимо
Пройдёт, невиновного арестует.
И тот сознаётся необходимо.

Камера смертников. Адвокаты
Изощряются бестолково.
Герой исповедуется солдатам.
Душегуб убивает снова.

Дальше – обрыв, облака, отроги...
Меркнет размытая панорама.
Тьма в глазах, тьма на пороге,
Тьма на экране, тьма за экраном.

1998 г.

Миграция.
Медитация.

Я медитирую

Прочь отсюда,
Я выбираю свободу.
Ложкой молчания из черепа
Дышу,

Расту,
Растворяюсь,
Не останавливаюсь.

Тропа, по которой я ушел,
Усеяна клочками мыслей,-
Разорван обратный билет
сознания.

1998 г

А на войне земле подобны
Солдаты, тучи и леса.
Доспехи почестей надгробных
Горят на золоте листа.

Нисходит свыше свет нетленный,
Чтоб раствориться и пропасть
В пустых глазах детей измены,
Имеющих над миром власть.

Разрозненные струйки дыма
Самосожжённых душ людских
Совокупляются незримо...
И Вечность преуспела в них.

По волнам ветхого эфира
Одни реляции летят
К подножью падшего кумира,
Открывшего внезапный ад.

Когда вода сметёт редуты,
У злобы взятые займы,
Под занавес великой смуты
Погибнем, захлебнувшись, мы.

1999 г.

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА № 8

Трое нас было, четвёртым пришёл Гонсалес.
Мы уменьшаемся, разве вам не понятно?

Ведь нас было трое.

Трое!!!

Будь проклят Энрико Гонсалес,

И все Энрико Гонсалесы мира.

Нас – на донышке, нас – на конце пера.

Мы лицезрели предвзятость.

Славно!

Мы субсидировали святость.

Вечно!

Любвеобильно рождали подобных.

Асса!

Целовали молитвенник,

чуть от окна отстранившись.

Боже...

Даже дураки могут летать по воздуху.

Даже дураки могут воскреснуть.

Нас горе зноем выбелит,

Нас разольют дожди...

... кофейник выкипает, пар становится дымом...

Ни Ангелы, ни лебеди

Не плачут впереди.

... а война продаётся на вынос:

можно поскучать под пулемётные очереди...

Нас горе зноем выбелит,

Нас разольют дожди...

... колоть острым ножичком спичку пополам – экономить источник огня...

Ни Ангелы, ни лебеди
Не плачут впереди.
... расслышав, понимаешь, что песня,
ради которой омерзительно долго заводил граммофон,
кончается...
Чем же так провинился Энрико Гонсалес?
Четвёртый, проклятый,
Он пришёл, говоря:
Мы – недосказанное;
Мы вместились в минуту молчания;
Мы забыли, что нас запомнили
Рядом со словам « беспамятство».

1999 г.

Квадратную Землю
За четыре угла
Держат четыре Ангела
Как погребальное покрывало.

Иногда они встряхивают Землю
Выбивают пыль, пыль, пыль...

Какой – то идиот
Нарисовал на их фаянсовых мордах
Фломастерами усы.

Северо – восточному – лиловые
Северо – западному – карминные
Юго – восточному – шафранные
Юго – западному – цвета подшерстка
Фенрира.

1999 г.

*Хотите знать один секрет?
Сюрреализма больше нет.
А. Якушин*

Хотите знать один секрет?
Сюрреализма больше нет.
Постмодернизма больше нет.
Литературы больше нет.

Остался ушлый декаданс;
Скопцы, впадающие в транс;
Патологический союз
За веру, коммунизм и Русь;
Высокопарный нигилизм,
Надуманый примитивизм,
Весна пришла, голимый бред...
Литературы больше нет.

Поэтов нет. Есть пара крыс,
Плетущих на свой страх и риск
Затейливые вязи вирш...
Но это не стихи, шалишь!

Ни прозы нет, ни драмы нет:
Иной – подался в Интернет;
Иной – учебники строчит,
Красноречиво нарочит...

Хотите знать один секрет?
Литературы больше нет.

1999 г.

ПЕСНЯ С НЕБА СНИЗОЙДЁТ

Я красоты не презираю.
Но как –то расхотелось вдруг
И млеть, и в умиленьи таять.
И восторгаться недосуг
Прикрасами. Люблю трезвенье,
Неколебимый лад и строй,
Риторику, нравоченья...
Огонь расхожий и пустой
Любодейния и смерти
Престал искриться и пыхтеть
В моём треножнике, поверьте.
Мне гений приказал терпеть.
Терплю. Оукливаю чувства.
Выстаиваю горький мёд.
Авось не хамство и не буйство,
Но песня с неба снизойдёт.

Страшно быть лирическим поэтом!
Немоты имён и дат не знать.
Петь разливы тени в лунном свете,
Шорохам и отзвукам внимать;

Умаляться в каждом насекомом,
С каждой птицей в небеса взлетать,
Расчленять мотив полужнакомый,
Взвешивать, обмеривать, считать.

И осознавать, что нет привета,
Просто слова - боль души избыть...
Страшно быть лирическим поэтом,
Не страдать, не верить, не любить.

Из рукописи

Нудный стук: осыпаются зёрна
Из несжатых колосьев добра.
Мы проходим дорогой неторной
В свете солнца путём серебра.

Шарик бледный Луны металлической
Скучно скачет над нами, мой друг,
Мир – рулетка, азарт электрический,
Переменный восторг и испуг.

Человек! Что за гордое имя!
Отчего же приносит уму
Упоенье делами благими
Эту ставку на кровь и на тьму?

Где же выигрыш? Где миллионы?
Зал закрыт и крупье пьёт вино.
Всё равно непреложным законом
Наш прибыток уйдёт в казино.

Выпадает «Зеро» на рулетке
Нигель, ноль, абсолютная тьма,
От чужого достатка объедки...
И сума не даёт нам ума.

Всё стучат по иссушенной пыли
Зёрна злаков, лишившись оков.
Это вечное сердце России
Тихо бьётся под спудом веков.

ЯРОСЛАВ ЩЕРБАКОВ

/ 1977 – 2000 /

Сколько стоит жизнь?

Сколько стоит жизнь человека, который только начал жить? Одну одинокую ночь в заснеженном карьере? Или 23 года мытарств и исканий?

Смерть никогда не выпадает просто так. Её или надо заслужить, заработать, или она даётся в наказание. Славе она досталась случайно, за чужие грехи. Плата за чужой страх.

Судьба поэта никогда не бывает счастливой. Он всегда живёт беспокойно, экстремально – «Поэты ходят пятками по лезвию ножа и ранят в кровь свои босые души...» Сытым и благополучным уродам этого не понять. Поэтому настоящие поэты всегда изгои, они всегда чужеватые для т.н. простых людей и всегда неудобны для духовно коррумпированной интеллигенции.

Слава Щербаков верил (по-детски безусловно) в добро и справедливость, он искренне любил свою жену и друзей, он был честным человеком. Про многих ли это можно сказать, не пойдя против истины?

В народе говорят, Бог таких любит и прибирает их к себе. А другие доживают до тёплой старости, печатают несколько десятков

своих книжек, ради них открывают новые строки в госбюджетах и снимают молодёжь с очереди на публикации.

Ярослав Щербаков никогда уже не напишет ни одной песни, ни одного стихотворения, ни одной строчки. Но мы, твои друзья, всегда будем помнить тебя, Славик, твои стихи и песни. И будет пробивать в печать твои вещи без тебя.

Прости нас, Слава.

Друзья и соратники,
Участники Центра Творчества
Молодых Литераторов «Гамаюн»
/ Газета «Молодёжная линия» 23 марта 2000 г./

Есть ли жизнь на Марсе?

Всё надоело
Объявляю себя единым целым
Включающим в себя все иды и параноии
И ложные личности
Объявляю себя Создателем
А тех, кто со мной не согласен
Объявляю мужем и женой
Плодитесь и размножайтесь
Мои аватарки
Пролонгирую действие
Чрезвычайного Положения
Во гроб
Сидя на кухне
Докуривая
Чужой окуроч

Как приятно
Барахтаться в луже безбрежного
Полуосознания
Вечных поллюций
И интерпретаций
Во как!

Декабрь 1998 г.

НОВЫЙ ПОРЯДОК

Пасть порву...

Ты – подумала, что наверное...
Ты сказала печально:
« Может быть, это- подвох».
Но счастье, оно – как рана.
Просто хлопья пены на губах у Бога,
Просто кусочки ланит на сапогах у
прохожих,

Просто мы будем вместе.
Кушай Его небеса,
Пей Его кровь,
Плачь и лобзай руками Его рек...
И тогда твоё сердце взорвётся.
На пути внутрь себя – распластаеть объятья,
И поймёшь.....

Апрель 1999 г.

*Полчища зомбирующих эмбрионов
Ждут в аду своих матерей.
С. Троицкий*

Вот так мы танцуем
Вот так мы танцуем
Ленточки в косах
Венцов у курносых
Проседи – сени
Шелест волнующий осени
Нас
Пролежни стен
Песни волхвов
Беззубыми ртами
Страстно целуем
Мгновенье
Как будто неумная шутка
Вот так мы танцуем
Вот так мы танцуем
Полосы вёсел
Вычисляя пространство
В векторе судорог
Снуют
Как будто прилипшая жвачка
Но сладость её движений

И затхлость
Жуём – проживаем
Перспектива изнутри
Черного квадрата
Вот так мы танцуем
И джаз.

Апрель 1999 г.

Как душа твоя окуклится,
Распростёрта величаво!
Всё прошедшее обуглится –
То, что быть имело право.

Будет всем ненужно – весело.
Пляшет облако корявое
Над шутивно – стрёмным месивом,
Над уродливой оравой.

Как жена твоя обуглится,
Скушав яблоко запретное!
Как привольно шарик

крутится!

Хороша печаль офсетная.

И стишки мои противные
Не понадобятся более.
Будет сверхкорпоративное
Поднебесное застоліе.

Июнь 1999 г.

Пulsирует пульсирует
Чувствуешь? Это небо левитирует
Сухой лист планирует –
Это я
Мета-я гипер- он, квази – ты
В отравленном горечью воздухе мечутся
Полые нагие недостающие звенья
Цепей –
Лихие кровавые бабушки
Они говорят нам:
- Слушай, друг, не шути
Будь мягким и грубым
пока нам отпущена
малая толика
сердцебиения

Июль 1999 г.

*В сумасшедшем доме
художнику приснилось...
Е.Л.*

Взорвались глаза
Ещё и ещё
Взорвались глаза
Поливай свою совесть
Сухими ладонями слов
На потресканный стол
Чтобы кровь проползла по – пластунски
Как известный солдат
Безумной Армии ДНК
Без оглядки
Под прикрытием лимфоузлов – блок – постов
По периметру руин лица

Июль 1999 г.

Время лишь шанс нам с тобой
Просто уловка
Вечная процедура отрешения от
Совершенного
Нырок, кувырок, фокус – покус
Комья грязной мысли вычленяемые
После растяжения
Все это было гораздо интересней
Если бы не так эмоционально

Июль 1999 г

Чаши наполнены
Моя боль это ангел
Выльет язву на почву желудка –
Может увижу своё Лицо
Вторую и Третью пушу в воды вен
Пусть пророки пьют мою Кровь –
Я достоин того
Четвёртую сердцем вдохну
И осанной взорвусь –
Утолю жажду зноем её –
Пятую я расплескаю кругом –
И язык прикушу и заплачу
Шестую острой путь открою –
Русло жизни иссякнет
А до Седьмой не доживу
А жаль.

Июль 1999 г

В. Пелевину

Послесловие бессловия. Становится скучно.
Осознание бессмыслия пока все дома.
Целенаправленное бездействие втрое преступно и
бездушно
И ненужно, словно захламление в виде кучи
металлического лома.

Чем, собственно, я отличаюсь от нелепой унылости
плевков в пепельнице?
Видимо, умением жрать и упорно ползти вперёд.
Да ещё поднакопив, могу отдохнуть на Карибах или
там в Ницце,
Или умением уехать на Север, где плевки превращаются
в лёд.

Но качество вещей вряд ли меняет их суть,
В моей парадигме нет места для пустоты.
И если я буду умнее, это только добавит муть
В непорочную пакость быта – воды,

Которая, как известно, течёт и изменяется,
В которую нельзя дважды войти,

Так что свобода воли хоть и подразумевается,
Но там поверху уже, увы, прописаны все имеющие
места быть пути.

Сентябрь 1999 г.

МОСТ
НАД ГРЯЗНОЙ ВОДОЙ

*Она вошла через окно ванной
Будущее принадлежит мне*

Мустанги навстречу судьбе
Летят в предрассветной тиши
Их бег был подобен мольбе
Равнины подножью вершин

Кухарки стирали бельё
А повар к несчастью погиб
Но завтрак поросший былльём
Подарит ушедшему нимб

Услышат подножья вершин
Равнины задумчивый стон
И будет нам счастья кувшин
Разрушится главный картон

И я ото сна встрепенусь
И повар мне скажет пора
И злобный падёт гонорар
Восстанет беззубый прораб
На полчища адских бабусь

Как только комар протрубит
Так ящерики кинут свой хвост
И тот кто живой не убит
Вода лебеда и погост.

2000 г.

Вытекает рассвет как лимфа
Из лохматого лона лета
Искажает лицо поэта
Лепра – рифма

Папа Легба, о Папа Легба
Не какой – нибудь там рэггей
И глаза мои цвета неба
Час от часа становятся пеги

Прикоснуться к чистому горю
Обветшала видать рубашонка
Но теперь я с судьбой не спорю
Здравствуй, Маша – Машуля – Машёнка

Ячком всё ловили зубы
Набивая пальцами чрево
И поют водосточные трубы
И опять мы шагаем левой

А зубами всё рвём подушки
К ночи в кайфе, а утром от боли
Вот такой развесёлой петрушки
Нам доколе

2000 г.

Сойки кричат
В пыли моей
Сойки кричат
Где ж вы долгожданные ночи
А в тех что?
Растревоженная усталость
И свежая смерть
Пыль

2000 г.

В пространстве между мною
И потолком
Неожиданно появились
Тёмные парты
Поэтому наверное я
Такой
Грустный.

2000 г.

УЛИТКИ

И ПОЛЗУНКИ

Разноцветные пожитки
Скрупулёзные дела
Продвигаются улитки
Вдоль по берегу стола

Мы сидели и смотрели
Ели кашу все дела
Неужели в самом деле
Наступил конец стола

Кто – то ест в сортире мыло

Вы так романтичны в норковой шубе
С брильянтами слез на щеках
Длинные пальцы дрожащие губы
А главное при деньгах

Меня возбуждает изящная сумочка
Висящая на плече
Но всё – таки круче круглая сумочка
Неон дискотечных лучей

Неверная поступь речей ваших нежных
Сентиментально мила
Под музыку хруста банкнот осторожно
Сливаются наши тела

2000 г.

В зелёных лесах
Шелестящих листвою
Под солнечным нимбом
Весенних дождей
Ленивые ели
Роняют ли хвою
К подножью Олимпа
Лохматых вождей

Там так многолико
Легко несерьёзно
В дрожащих ветвях
И когтей лешаков
Смеются над слёзами
Тени берёзы
А слёзы дрожат
Под пятой башмаков

И щедрою праздностью
Праведных судеб
Столетним разбоем
Беспечных тревог
Я пламенно слушаю
Мохнатые груди
Кудесников леса
Покинув острог

2000 г.

ЗЕРКАЛО

*Человек
Сидит рыбаком у моря смертей
Хлебников*

Мор и ветер веет поёт
Верую! Но ретируюсь вдоль тебя
Пьёт из грязной лужи мой койот
Смотрит на дно окна хрипя

Вот он я, вот он, видишь?
Всплывает как дохлая рыба лицо
Падалью песен меня кормите
Шлите дальше как письмоце

Меня двенадцать. Говорю: «Виновен»
Половина куплена похотью лет
Ставни закрыты я обескровен
Следующая станция Ничего Нет

Но ведь воет койот, я видел
И ветер веет и пыль так больно в глаза
Так думал Я и ужом литер
Из себя выползал.

2000 г.

Девушка пела в церковном хоре...

А. Блок

Расцвела плесень по весне.
Потные плоды рукопожатья –
Созревали груши на сосне, -
Под сосной совокуплялись братья.

Разумелось празднество побед,
Счастье в личной жизни и мимозы.
Замышляли нелюди набег,
Добывая из души занозы.

Не читали прозы пастухи, -
Им неведомы терзанья духа.
Нелюдей изгнали за грехи.
Страстью занедужила старуха.
Сторож Иванов писал стихи.

2000 г.

*У таракана – усики,
У мальчугана – трусики...*

Кому – чё, кому –ничё.
Опереться б на чьё- то плечо.
Но лицо, застывшее передо мной,
Заставляет меня вжаться в стену себя;
Заставляет меня выдавить прыщ
Тем, кто живёт любя.
В этом мире мы приготовили дыбу.
И губы целуют, руки елозят.

Мы проживаем, живём и стонем
В поисках гениталий.

2000 г.

В час когда никто не родился
И никто никогда не воскреснет
Я пошёл в кабак и напился
Ведь по прежнему льётся песня

Ходят люди как не бывало
Меняют деньги на деньги
В час когда ничего не настало
Таков их *modus vivendi*

Я ломился в храмы и петли
Я пытался сделать им больно
Но у них лишь слова и кегли
Теперь всё камни краугольны

2000 г.

*О как её любил
Начальник этой зоны.
Наташа Б.*

Ты причислен к лику крутых
Я прибит гвоздями к себе
Да получит просящий в дых
Всё получим за дело в борьбе

Мы стреляем глазницами ввысь
Но чужда варикозная даль
Хорошо если всё зае...сь
Хорошо на запястьях сталь

Мы ржавеем в пыли гробовой
Заполняя собой пастораль
Нагнетая отсутствие воль
Словно боль гноится Грааль

Я заброшен как старая мышь
Забери меня мама назад
Здесь и тишь и камыш и малыш
И не спишь и всё ждёшь свой рай.

2000 г.

Мне

В пылу уверенности свято
Я чтил чужие имена
Теперь всё скомкано и смято
А как с ухмылкой примата

Ты всё читаешь письма
Наложник страха и упрёка
Твоя порывность учтена
Твоя судьба отнесена
В краю безвременного срока

Рефреном старая тетрадь
И заскорузлых истин мова
Тебе ль о вечности мечтать
Ты вечный жид святого Слова

2000 г.

ШНЯГА

Не пускаю себя я в рай
Под ногами путаюсь и мешаю
Господи, не обломай
Умоляю

Гениталий пчелиный хор
Вездесущий и всё исполняя
Сочиняет мне приговор
Я ж хвостом облезлым виляю

Выхожу из себя, сочусь потом пор
Иду на вы, некрологи листая
Из вечной стаи в квартире нор
Вздор нарывов перемещаю

Простираю длань, распиная богов
По – шакальи за пазухой каюсь
Вечера тоски, гуталин и плов
Перевариваю, постигаю

Расплескался вдаль кружевной рассвет
Лимфой рифм удила заправляя
Тошноту и стыд, плагиат и бред
Понимаю и вдаль хилею.

Закипает кровь, каменеет май
Навсегда. Я так понимаю
Господи, не обломай
Умоляю.

ДА! ДА?

Плавленные сыра происходит
Как поступь гордая богов
Подобно моде и погоде
Дезинтегрируя любовь
Дискредитируя понятия
Меня хлеб на письма
Так медитируя в проклятье
Не впишут ваши имена
Котлов печальных оправданье
Заступничество палачей
Так развалилась готовальня
И рыба свет моих очей

2000 г.

АГОНИЯ LANO

Насладиться телом
Наследить в постели
Иль ходить по стенам
В поисках кого – то

Мысли словно тени
Вязко – бурой лени
Отголосок бдений
Хлипкое болото

Вот моя могила
Та что сердцу мила
Трупик крокодила
Траурный веночек

Валенки и флаги
Мысли на бумаге
Как потухший факел
Спущенный курочек

Прозвенел звоночек
Прохудился почерк
Только стаи точек
Копотью кружат

Вот она Могила
Всё что в ней остыло
Как в бочину вилы!
Руки вот дрожат

2000 г.

*Ваши пальцы
пахнут ладаном*

Экс – боги, экс – боги,
Куда вы смотрите
Кому ставите псевдосвечи
Пути ваши долги
Лбы пологи – я выпрямитель
По ваши тухлые плечи

По кустам чеппораля
Прячусь от ваших
Лжеулыбок и ложнолиц
Моего февраля худые гамаша
Величавее псевдоптиц

Типажи муляжей
Порушу туши
Возору черноту простую трушоб
И жалости лжи
Гнилую грушу
Брошу на копище якобы щёк

Лейся песня
Гори ясно
Пустопорожного слова саль
Так интересней
Ужасно потрясно
Кады ничаво не жаль

хе -хе

2000 г.

Жую продаю ту что нема
Повелеваю ветрами её
Вина ли в том
Что ты проклинал
Моей пустоты мильон

Тина ли силы сосёт наши
Или это просто семья,
По стенам трупов поземи
Кто ж если не ты да я

К тому ли не было готово тело
Прости же меня, о, едрёно мать
Но кому – то нужно прильнуть
горячим кипелом
Что б иные не в силах были стонать

2000 г.

НЕЖДАННЫЕ

ПУПЫРЫШКИ

Сердце бьётся устало
В озябшей груди
На краю одеяла / пьедестала/
Всё уже позади

Нам с тобой по пути
Если будет начало
Ты предупреди
Как бывало

Чьё – то время настало
Кто – то снова один
Время мало
Ходи 2000 г.

Из рукописей

Моя правда
Зажата в тисках
Жестокого дня
Кровь стучит в висках
Моя душа
Почти пуста
Но над ними
Горит звезда
Стынет печаль
Мой город не спит
Если ты со мною
Ты простишь
Ты меня простишь
Ты меня не продашь
Столица зеркал
Лица порванных снов
Прости меня
Я снова живой
Я хочу умереть
На твоём плече
И буду
Всегда с тобой

О, ЯАН сон
Ты снова со мной
Внутри огонь
В который раз
Снаружи стон
Если нет ничего
Я почти готов
И всё что есть
Это ты со всех сторон.

Я пришел, чтобы спасти вас
Спасти от самих себя
Я пришел научить вас
Научить жить любя
Посмотри вокруг и увидишь
На что похожа твоя земля
Что произошло вокруг
Кто такие твои друзья
Ты рождён для того
Чтобы жить
Жить, а не с.... и жрать
но мне некогда не забыть
А тебе никогда не понять
То, что написано в небе
Не прочесть тем кто слеп
Но рождённый ползать умеет летать
И жевать земляничный хлеб.

Сливочное масло и хлебушек
Заменяет мне нежности девушек
Жаренный с лучком картофель
Парного молочка стакан.

И я кричу открывая окошко:
« Где моя большая ложка?»
В моих мыслях копченая курица
Систематически крутится
Когда её я ем вдохновенно,
Моя крыша съезжает мгновенно

Оглавление:

Смирнов Игорь

Балашова Е.....	1
Клевич В. « Не мизантроп, не циник, не поэт», но личность, нестандартный человек.....	2
Время.....	5
*** От половинчатых страданий.....	5
Валерию Брюсову.....	6
Чухлома: Сонет.....	7
*** Свершилось! Голодная осень.....	8
*** Надежда умирает первой.....	8
Песенка про душу.....	9
*** Быт поэта: круглый стол.....	10
*** Дали раскрылись под вечер.....	10
Романс.....	11
Зима.....	11
*** Перестрадали, поднялись.....	12
*** Как в колкости озона.....	12
*** Последние деньги прожиты.....	13
*** Непоправимая моя.....	13
*** Стустки тьмы, мимолётные тени.....	13
*** Храм мой, кряжистый, от века.....	14
*** Своего не отдали, не выдали.....	14

*** О. безъязыкая грусть.....	15
*** Ласточка – касаточка сизокрылая.....	15
*** Вырастут деревья в парке.....	16
*** Пьяный Саврасов бредёт по апрелю.....	16
*** Отчаянья слов не знаю.....	17
*** Не верь, что радость.....	17
*** Поэт ли ты искусный.....	18
Великая вольница.....	18
Погибшим в Чечне.....	19
***Исчезнет правда вместе с красотой.....	19
***Остановись, виденье, ты ужасно!.....	20
*** Нелюбимая, отколе.....	20
*** Ты ждал победы и веселья.....	21
*** Прости, неверная заря.....	22
*** А мы стяжаем благодать.....	23
*** Это вьюга поёт.....	24
*** Белым снегом, синим дымом	24
*** Белым снегом, синим дымом	25
*** Три Ангела летели над пустыней.....	25
Праздник.....	26
*** Старый Углич.....	27
*** Унежьте слово, я не Тютчев.....	28

Прелесть.....	29
*** Из капусты сделали фальшивого зайца.....	29
*** Всё жду, когда престанет разум.....	30
Послание графине Румянцевой.....	30
Маленькая божественная комедия.....	31
Четвёртый черносотенный верлибр	32
*** Не стоит спящего тревожить.....	33
*** Пани, пани, кто Вам объяснил.....	34
Путь к себе.....	35
*** Недолговечен сон.....	36
*** Дело было в Пенькове.....	36
*** Когда кричим.....	37
Богоявление.....	37
Эпизод.....	38
*** Миграция.....	38
*** А на войне земле подобны.....	39
Любовная лирика №8.....	40
*** Квадратную Землю.....	41
*** Хотите знать один секрет.....	42
Песня с неба снизойдёт.....	43
*** Страшно быть лирическим поэтом.....	43

Из рукописи

*** Нудный стук: осыпаются зёрна.....44

Щербаков Ярослав

*** Всё надоело..... 47

Новый порядок..... 47

*** Вот так мы танцуем..... 48

*** Как душа твоя окуклится..... 49

*** Пульсирует, пульсирует..... 50

*** Взорвались глаза..... 50

*** Время лишь шанс нам с тобой..... 51

*** Чаши наполнены..... 51

*** Послесловие бессловия..... 52

Мост над грязной водой..... 53

*** Вытекает рассвет как лимфа..... 54

*** Сойки кричат..... 55

*** В пространстве между мною..... 55

Улитки и ползунки..... 55

*** Когда умирают жрицы любви..... 56

*** Вы так романтичны в норковой шубе..... 57

*** В зелёных лесах..... 57

Зеркало..... 58

*** Расцвела плесень по весне.....	59
*** Кому – чё, кому – ничё.....	59
*** В час когда никто не родился.....	60
*** Ты причислен к лику крутых.....	60
*** В пылу уверенности свято.....	61
Шняга.....	62
Да! Да!.....	63
Агонияlano	63
*** Экс – боги, экс- боги.....	64
*** Жую продаю ту что нема.....	65
Нежданные пупырышки.....	65
<i>Из рукописи</i>	
*** Моя правда.....	66
*** Я пришёл, чтобы спасти вас.....	67
*** Сливочное масло и хлебушек.....	68

Смирнов Игорь

Щербаков Ярослав

В душе, захлебнувшейся светом

Компьютерный набор - Г. С. Артемьева

Смирнов Игорь, Щербаков Ярослав. «В душе, захлебнувшейся светом» - Чухлома.- 2012.- 74 с./ Муниципальное казенное учреждение культуры Межпоселенческая библиотека Чухломского муниципального района. Литературное объединение «Приозерье»/.